

85 лет со дня рождения князя Н.Д.Лобанова-Ростовского

10.01.2020

6 января 2020 года исполнилось 85 лет со дня рождения князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского (06.01.1935, София, Болгария), потомка эмигрантов, геолога, экономиста, банкира, коллекционера, деятеля культуры, мецената.

«Лобановы-Ростовские принадлежат к той группе семей, которые называются Рюриковичами и которых связывают с основоположниками российского государства. И отсюда их титул князей (а их сорок родов), титулы не дарственные. Это был статус... Все остальные титулы... после Екатерины и Петра — дарственные, и все светлейшие князья, бароны и графы, — в общем, новопришедшие. Рюриковичи — династия, которая царила до смутных времен... до Романовых. Они все были князьями по статусу, а не по заслугам. <...> По моей материнской линии (Вырубовы) мой дед был товарищем министра у князя Львова в Первом временном правительстве... После прихода Керенского к власти они поехали в Вашингтон искать помощи президента Вильсона на вторжение против красного движения. США... не могли этого сделать, потому что вся идеология США... является ярко антимоноархической. Что удалось от этого визита — это спасти часть огромных посольских денег, которые лежали в Вашингтоне... на закупку оружия. Часть этих денег американцы вернули, и на это был основан “Земгор” — “Земской городской комитет помощи российским гражданам за границей”. Та большая благотворительность, которую потом Земгор развивал... была как раз на основе того, что американцы все-таки согласились... вернуть часть этих денег» (Из беседы Ивана Толстого с Никитой Лобановым-Ростовским // Радио Свобода. 2007. 14 окт.).

Родители Никиты Дмитриевича, князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский и Ирина Васильевна Вырубова познакомились в эмиграции в Париже, венчались и обосновались в Болгарии, поближе к родным Дмитрия Ивановича. Проживали они в Софии, где в 1935 году родился сын Никита. После неудачного бегства в Грецию в 1946 году вся семья была арестована и отправлена в тюрьму. «Мы сидели... в одной и той же военной тюрьме... Я сидел в последней келье у коридора... А у каждой келье было окно в коридор. Однажды я услышал, что кто-то насвистывает английскую военную мелодию с Первой мировой войны “It’s a long way to Tipperary”. Это мог быть только мой отец. Я ему свистнул обратно... Так я узнал, что он жив... А потом я заболел, потому что там плохо кормили, давали только 150 грамм хлеба в день и воду. Меня решили перевести... в центральную тюрьму, где сидели уголовники. Там для меня был рай, потому что утром давали липовый чай, вечером и в обед давали хлеб и брынзу... один из следователей... приносил мне книги на болгарском — Майн Рида, Карла Майна, — которые я перечитывал много раз... ..Говорю и свободно читаю по-болгарски гораздо лучше, чем по-русски, потому что я окончил гимназию в Болгарии, а русскому языку я никогда не учился, просто по-русски говорили дома. <...> Когда я был в пересадочном пункте между военной тюрьмой и центральной... это еще был бывший турецкий караван-сарай, то есть гостиница... там у меня была какая-то относительная свобода. Я протер брюки, поэтому я жил в мешке из-под лука, где были прорезаны три дырки — центральная дыра была для головы и углы срезаны для рук. И иногда меня просили чистить картошку и лук. И вот в этом караван-сараяе, сидя перед складом, чистя лук, я вдруг увидел заключенного... Это был Володя Макаров... Он был там на следствии. А когда его выпустили, он разгласил, что мы, наверное, живы... Так что Володя Макаров, увидев, где я, указал, где мы сидим, и эти вести дошли до моего деда и дяди во Франции... Фактически и юридически нас поймали на территории Греции, потому что судебный процесс было бы трудно устроить. И на этом основании, под нажимом моего дяди, нас выпустили. Мой дядя Николай Васильевич Вырубов провоевал с де Голлем всю войну. Отказался быть офицером, остался рядовым солдатом, воюя в траншеях с автоматом. У него все самые высокие военные награды Франции. Таких людей очень мало...» (Там же).

«Я вышел из тюрьмы в 48-м году. Врач мне сказал, что у меня будет рахит, если я не займусь серьезно спортом. И... я начал плавать, а зимой играть в хоккей... Несмотря на то, что я не был самым

здоровым и крепким, упорство и постоянная тренировка помогли мне стать чемпионом среди юношей Болгарии. Второе, что мне помогло в этом закале — это книга Дэйла Карнеги, которую я, к счастью, прочитал, когда мне было 14 лет. Называется она “Как делать друзей и влиять на людей”... <...> В Софии, когда я вышел из тюрьмы, меня никто из наших знакомых не принял. Все боялись. Единственный человек, который меня приютил, была моя няня Елена Ивановна Иванюк. Она... мыла посуду в русском клубе. А ее муж, Николай Миронович, служил ночным сторожем на стройках... У них были две дочери. Так что им было трудно жить. Но они меня приютили. И чтобы как-то помогать в этом деле, я собирал окурки по улицам и продавал. Нужно было делать пакеты по килограмму и продавать цыганам. Чистил ботинки на углу улицы. И, конечно, воровал» (Там же).

Отец Никиты Дмитриевича после освобождения из тюрьмы вышел за молоком и домой не вернулся. Он был похищен болгарскими органами госбезопасности и убит 13 октября 1948 года в Софии. Официальный документ о его смерти сын получил только в конце 1992 года.

Чтобы уехать во Францию к родственникам, семье Лобановых-Ростовских нужна была виза. «В этот период в Болгарию послом Франция послала писателя... Ромэна Гари. <...> Болгария купила два электровоза по аккредитиву у завода Шнейдер во Франции, которые должны были прибыть в Софию через Вену. Ромэн Гари позвонил генералу, который управлял французской зоной и сказал ему, что в аккредитиве есть ошибка и нужно задержать два электровоза, пока он ему не перезвонит... Мидовские чиновники пришли к Ромэну Гари и спросили, где электровозы. А тот им ответил: “А где виза на выезд тех пяти французских граждан, которые проживают в Болгарии?”... и таким образом мы уехали... Мы с мамой приехали в Париж. Там сначала мне было довольно трудно, потому что мой менталитет был совершенно иной. Я был Гаврош...” (Там же).

«Мне надо было выбирать свой путь. К счастью, какой-то анонимный благотворитель учредил в Оксфорде стипендию для беженцев из Восточной Европы. На эту стипендию претендовало 25 человек. Мои шансы были равны нулю. Но принят был именно я. Спустя годы один из членов комиссии сэра Исая Берлин мне сказал, что в те годы было важно избавить британскую казну от потенциального безработного-гуманитария. Все мои конкуренты хотели заниматься историей или философией, а я выбрал профессию инженера-геолога. Комиссия решила, что я смогу после Оксфорда найти работу и одним нахлебником станет меньше» (Я хотел бы быть Лоренцо Медичи. Беседа Н. Данилевич с Никитой Лобановым-Ростовским // Коммерсантъ Деньги. 1997. 19 февр. № 6. С. 16).

В 1954 году Никита Дмитриевич покидает Париж и уезжает в Англию, в Оксфорд. В 1956 году умирает от рака его мать. В 1958 году он окончил Оксфордский университет, где его «научили геологии и петрографии, то есть изучению минералов». Кроме того, у него была возможность завести близкие знакомства с очень влиятельными людьми, например, с сэром И. М. Берлином и другими. «Я закончил Оксфорд и понял, что Оксфорд не ведет к возможности работать, потому что в те времена геологию там преподавали “академическим” путем. Вы не могли оттуда стать разведчиком-геологом, вы могли только идти преподавателем или же продолжать учебу на магистра. И я тогда... поступил в Колумбийский университет в Нью-Йорке изучать экономическую геологию на докторат. И параллельно с этим я начал преподавать геологию. Но через год я понял, что у меня неправильное мышление. Я постоянно ощущал, что, преподавая, я помогаю людям продвигаться в жизни, а сам все сижу на том же самом месте в университете, на университетской зарплате, которая очень незначительная. Подрабатывал я переводчиком. И подрабатывал много, потому что мог перевести научную болгарскую, русскую литературу, прямо читая текст машинистке... Я помню, при стипендии в 200 долларов, я вдруг в месяц заработал 1200. Георгий Илларионович Васильчиков был в те годы самым блестящим переводчиком в ООН... я спросил его: “Как бы мне попасть по вашему благу в переводчики в ООН?” Он мне дал очень мудрый совет: “Никогда, ни за какие деньги не идите в переводчики, потому что вы всю жизнь останетесь переводчиком. Дальше карьеры у вас не будет. Продолжайте быть геологом”» (Из беседы Ивана Толстого с Никитой Лобановым-Ростовским // Радио Свобода. 2007. 14 окт.).

И Никита Дмитриевич остался геологом, он искал нефть в Патагонии, ртуть — на Аляске и в Тунисе, железо — в Либерии, никель в Венесуэле, алмазы на разработках в Южной Африке. Но заработки были скромными. Тогда он задал своему товарищу по Оксфорду, который учился в школе бизнеса в Стэнфорде, вопрос: «Как на Западе можно сделать состояние?» Тот ответил, что есть три способа: брак по расчету, работа в престижном инвестиционном банке (здесь нужен блат или семейные связи) или третий — делать карьеру в банке, начиная с самой нижней ступеньки, с клерка. Никита Дмитриевич выбрал третий. В 1962 году он получил в Нью-Йоркском университете степень магистра банковского учета. С 1961 по 1967 год служил помощником заведующего международным отделением «Кемикал Банк» (теперь «Морган Чейс Банк») в Нью-Йорке. Там же в 1967–1970 годы занимал пост помощника вице-президента компании «Пруденшиал». С 1970 по 1979 год — вице-президент «Уэллс Фарго Банк» в Сан-Франциско, самого большого банка в мире, был заведующим отдела банка по Европе, Ближнему Востоку и Африке. С 1979 по 1988 год занимал пост старшего вице-президента «Международного банка финансов и ресурсов» в Лондоне.

С молодых лет князь собирал коллекцию русского театрально-декорационного искусства начала XX

века. «Везде, где бы я ни был по делам моего банка, я искал семьи русских художников, встречался с их детьми, женами, любовницами. Мне пришлось выпить с ними очень много чая, чтобы заслужить их расположение... <...> Главные очаги моих приобретений — Париж, Мадрид, Финляндия, Греция и в какой-то момент Италия. В то время на Западе никто не интересовался русским искусством... Мне удалось побывать в семьях Бенуа, Добужинского, Экстер, Ларионова, Гончаровой, Судейкина, когда никто ими не интересовался. Все самые качественные картины мы с женой покупали, когда не было ажиотажа. Выбор был за нами и зависел всецело от нашего вкуса. Вот почему Джон Боулт, специалист по русскому искусству, сказал о нашей коллекции: “Сегодня, имея даже неограниченные средства, нельзя составить такую коллекцию”» (Я хотел бы быть Лоренцо Медичи. Беседа Н. Данилевич с Никитой Лобановым-Ростовским // Коммерсантъ Деньги. 1997. 19 февр. № 6. С. 16).

Никита Дмитриевич собрал уникальную коллекцию 150 русских художников-авангардистов (более 1000 произведений!). Он устраивал выставки, входил в различные благотворительные и культурные объединения, был членом Комиссии по правам человека. Князь впервые посетил свою утраченную и желанную родину — Россию — в 1970 году по приглашению ЦГАЛИ (ныне — РГАЛИ), куда передал архив Сергея Судейкина. С 1987 года десять лет Никита Дмитриевич был советником фирмы по добыче и продаже алмазов «Де Бирс». В 1987 году он участвовал в создании Музея личных коллекций при ГМИИ им. Пушкина, куда передал в дар 80 произведений русской графики, в 1994 году — коллекцию фарфора начала XX века. Член Российского фонда культуры с 1991 года. С этого же года являлся консультантом Аукционного дома «Кристис», а с 1992 по 1997 год консультировал Аукционный дом «Сотбис» в Лондоне.

В Москве в «Городе мастеров» парка «Фили» открылся Мемориальный дом-музей князей Лобановых-Ростовских (2001). В 2003 году Никите Дмитриевичу было присвоено звание почетного доктора искусствоведения Санкт-Петербургской академии художеств и вручена награда от Международного совета российских соотечественников «За вклад в русскую культуру и искусство». В 2005 году он был награжден орденом Дружбы. С 2008 года — действительный член Петровской академии наук и искусства. За 30 лет (1950–1980) он собрал богатейшую коллекцию русской театральной живописи, все ее течения в русском искусстве за период с 1880 по 1930 год (свыше 1000 экспонатов). В 2008 году она была куплена «Константиновским фондом» и размещена в Театральном музее в Санкт-Петербурге.

В 2010 году Никита Дмитриевич был удостоен российского гражданства за особые заслуги перед Отечеством. В том же году передал в дар Дому русского зарубежья им. А. Солженицына свою библиотеку (3200 томов и часть фотоархива), а в 2015 году — скульптуру Хизри Асадулаева «Непокоренный».

Князь — автор научных работ по театральному искусству, банковскому делу, торговле и книг воспоминаний, среди них «Русские художники и театр» (1969), «Финансирование торговли» (1980), «Банковское дело» (1982), соавтор двухтомного издания «Художники русского театра» (1990) и «Художники русского театра. Каталог-резоне» (1994), «Воспоминания — записки коллекционера» (2003), «Эпоха. Судьба. Коллекция» (2010), «Рюрикович в эмиграции» (2015) и «Рюрикович в XXI веке» (2017).

Автор: В.Р.Зубова

Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына

Адрес страницы: <http://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/8611377.html>

[ГКУ города Москвы «Центр гуманитарного и делового сотрудничества с соотечественниками за рубежом - Московский дом соотечественника»](#)